

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 3

2021

Иеромонах Онуфрий (Ларин)

Исторические, правовые и культурные предпосылки возрождения теологического образования в постсоветской России

DOI 10.47132/1814-5574_2021_3_181

Аннотация: Статья посвящена определению мировоззренческих и социокультурных предпосылок становления и развития теологического образования в постсоветской России. Отправным положением для автора является неотъемлемость теологического образования от Церкви при одновременном понимании, что теология представляет историческое и логическое начало научного знания, находящееся как внутри, так и вне границ науки. Описаны основные вехи развития теологии в российской истории, проанализированы и концептуализированы исторические, социальные и культурные предпосылки возрождения теологического образования, выявлены исторические основания генезиса и определены этапы становления теологического образования в России, проанализированы нормативные документы, регламентирующие открытие нового направления подготовки в светских вузах, определено место и содержание теологии в системе отечественного высшего образования, обсуждено соотношение академической и церковной теологии в определении его нормативов и принципов. Автором предпринята попытка выделения оснований и социокультурных контекстов возрождения университетского теологического образования в Российской Федерации на рубеже XX и XXI столетий. Основной акцент в статье сделан на роль и место Русской Православной Церкви в процессе становления теологического образования в постсоветской России в контексте ее взаимодействия с научно-педагогическим и академическим сообществом.

Ключевые слова: теология, научное знание, образование, образовательный стандарт.

Об авторе: **Иеромонах Онуфрий (Ларин Александр Вячеславович)**

Секретарь Тихвинского епархиального управления.

E-mail: alarin82@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5587-2672>

Ссылка на статью: Онуфрий (Ларин), иером. Исторические, правовые и культурные предпосылки возрождения теологического образования в постсоветской России // Христианское чтение. 2021. № 3. С. 181–191.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2021

Hieromonk Onufriy (Larin)

**Historical, Legal and Cultural Prerequisites
for the Revival of Theological Education
in Post-Soviet Russia**

DOI 10.47132/1814-5574_2021_3_181

Abstract: The article is devoted to the definition of ideological and socio-cultural prerequisites for the formation and development of theological education in post-Soviet Russia. The starting point is the inseparability of theological education from the Church, while at the same time understanding that theology represents the historical and logical beginning of scientific knowledge, located both inside and outside the boundaries of science. The main milestones of the development of theology in Russian history are described, the historical, social and cultural prerequisites for the revival of theological education are analyzed and conceptualized, the historical foundations of the genesis and stages of the formation of theological education in Russia are identified, the normative documents regulating the opening of a new direction of training in secular universities are analyzed, the place and content of theology in the system of domestic higher education are determined, the relationship between academic and ecclesiastical theology in determining its standards and principles is discussed. The author attempts to identify the foundations and socio-cultural contexts of the revival of university theological education in the Russian Federation at the turn of the 20th and 21st centuries. The article focuses on the role and place of the Russian Orthodox Church in the process of the formation of theological education in post-Soviet Russia in the context of its interaction with the scientific, pedagogical and academic community.

Keywords: theology, scientific knowledge, education, educational standard.

About the author: **Hieromonk Onufriy (Larin Alexander Vyacheslavovich)**

Secretary of the Tikhvin Diocesan Administration.

E-mail: alarin82@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5587-2672>

Article link: Onufriy (Larin), hieromonk. Historical, Legal and Cultural Prerequisites for the Revival of Theological Education in Post-Soviet Russia. *Khristianskoye Chteniye*, 2021, no. 3, pp. 181–191.

Решением Министерства науки и технической политики Российской Федерации в 1992 г. теология была включена в перечень направлений подготовки бакалавриата (Пост Миннауки). Три десятилетия продолжаются дискуссии о ее научном статусе. При этом и сторонники секулярного подхода, и те, кто говорит о тождестве университетской теологии и духовно-академического богословия, апеллируют к европейской модели преподавания теологии в университетах. Наша статья посвящена актуализации анализа основных предпосылок становления теологического образования в постсоветской России.

Каждая отрасль научного знания имеет свою историю, рассмотрение которой позволяет понять смыслы развития входящих в нее учений, последовательно описать факты и феномены данной предметной области, сама история осмысления которых, в свою очередь, может быть прослежена во времени [Иларион Алфеев: *Теология*, 2016, 224–239]. Используем эти подходы по отношению к теологии.

Преподавание теологии в университетах — наследие схоластической традиции кафедральных и монастырских школ [Философия, 2005; Шмонин, 2021, 305–416]. Оно появилось фактически с момента возникновения самих университетов. Так, старейшие европейские университеты: Оксфордский, Кембриджский, Неаполитанский, с самого основания включали теологию в свой curriculum. Как справедливо отмечает О. Э. Душин, «университеты не являлись духовными образовательными учреждениями и имели автономию как от государства, так и от Церкви» [Душин 2013, 26–31]. При этом преподавание теологии носило системообразующий характер, статус ее как одной из ведущих дисциплин университетского образования никем не оспаривался. Содержание курса в то время представляло собой интеграцию идей классической философии и христианского богословия, нравственного и религиозного обучения, делая преданную Христу жизнь доступной для молодежи и обучая евангельскому призыву служения другим. Выпускники средневековых университетов должны были представлять собой идеал христиан, которые и владеют богословским знанием, и сведущи в области светских наук, в различных областях человеческой культуры. Эта традиция сохраняется в европейских университетах и по сей день: «теологические факультеты в университетах Оксфорда, Кембриджа, Гейдельберга, Тюбингена и сегодня составляют неотъемлемую часть образовательного процесса» [Теология в вузах]. И это несмотря на то, что в большинстве европейских стран религия отделена от государства.

Очевидно, что поиск универсальной учебной программы по теологии, которая соответствовала бы миссии различных европейских университетов, окажется безуспешным. Однако консолидирующий потенциал теологического знания активно используется западной высшей школой и сегодня: формирование общекультурных компетенций, аксиологических основ социальности, критического мышления, смыслового чтения религиозных текстов, опыта духовно-нравственной рефлексии — вот основные дидактические единицы университетской теологии, постулируемые в европейском высшем образовании и сегодня. При этом, как отмечает Крис ван Троствэк, современная академическая теология в Европе несвободна от традиции, ее содержание выстраивается с акцентом на христианство, при этом в зависимости от региона имеет католическую или протестантскую направленность [Troostwijk, 2008].

В отечественном образовательном пространстве теология всегда связывалась с институтами Церкви, и вся история данной науки коррелирует с историей Русской Православной Церкви, являвшейся частью российской государственности в дореволюционное время или отделенной от него, как в советский период. Поэтому и на современном этапе представители части академического сообщества полагают, что включение теологического образования в перечень направлений подготовки отечественных вузов нарушает светский характер образования. Согласимся с Б. Ю. Полевым, что именно в историческом контексте обнаруживается причина бесконечных споров о том, является или не является теология наукой и целесообразно ли ее преподавать в вузах [Полевой, 2017, 94–101].

Позиция генезиса теологической науки из церковного образования в России небезосновательна. Действительно, всю историю отечественной высшей школы можно напрямую связать с принятием христианства. Первое высшее учебное заведение — Московская славяно-греко-латинская академия — возникает в лоне Православной Церкви в 1687 г. по инициативе Симеона Полоцкого [Беляев 1897, 306–319]. Дальнейшее становление высших светских учебных заведений также не мыслилось без духовной составляющей.

Проект «Академии наук и курьёзных художеств» (1724) предполагал приглашение на преподавание лучших европейских профессоров, которые, помимо своей научной традиции, приносили в российскую высшую школу и идеи создания теологического факультета. В дальнейшем, при трансформации Академии в Московский университет, эти идеи были отвергнуты, поскольку европейские профессора просто не могли преподавать православное богословие. М. В. Ломоносов писал графу Шувалову: «Богословский факультет оставляю синодальным училищам» (Ломоносов, 1957). Но в этом решении не было превознесения светского характера образования вновь создаваемого университета, как часто писали в советское время, скорее дань сложившейся к тому времени сильной русской богословской школе — Славяно-греко-латинской академии.

На ранней стадии формирования Московского университета в нем не было преподавания собственно богословия как самостоятельного курса, но духовные дисциплины являлись неоспоримой частью высшего образования. В Уставе Императорского Московского университета 5 ноября 1804 г. в составе Отделения нравственных и политических наук обозначены кафедры богословия догматического и нравоучительного и толкования Св. Писания и церковной истории (Устав, 1804). Да и само образование тех первых лет университета трудно назвать «светским». Скорее, оно было направлено на формирование у студента религиозного научного мировоззрения, когда религия определяет научный подход. Тем не менее именно создание Московского университета способствовало окончательному отделению русского богословского образования от университетов.

В университетах XIX столетия теологических факультетов также не открывалось. Но все-таки на разных факультетах существовали кафедры всеобщей церковной истории, русской церковной истории, канонического права, возглавляемые священниками с высоким уровнем образования. В 1879 г. вышел запрет на поступление выпускников семинарий в университеты, согласно которому выпускники семинарий не могли поступать в университеты, а выпускники университетов — в духовные академии. Но с 1886 г. семинаристы стали допускаться в Варшавский, а с 1888 г. — и в Томский университеты [Щетинина, 1987].

В XIX в. отмечается широкое распространение, академическая институционализация и научное осмысление православного богословского образования. Во второй половине 1820-х — начале 1840-х гг. формируется русскоязычный богословский аппарат, создается фундаментальный догматический компендиум — «Православно-догматическое богословие» иером. Макария [Прудников, 2016, 272]. Как отмечает Е. А. Раменских, «В стенах Петербургской, Московской, Киевской, Казанской духовных академий, множества семинарий и духовных училищ преподают в это время многие талантливые педагоги и ученые, сделавшие много и для светской науки, и для российского общества в целом. Из стен академий выходят прославленные философы, историки, пастыри, естествоиспытатели, общественные и политические деятели. Русская богословская наука дала миру целый ряд великих ученых. Достаточно вспомнить имена святителя Филарета (Дроздова), митрополита Макария (Булгакова), Василия Болотова, Евгения Голубинского, Василия Ключевского, Антона Карташева, Николая Глубоковского, протоиерея Александра Горского, протоиерея Сергия Булгакова, священника Павла Флоренского, протоиерея Георгия Флоровского, архимандрита Киприана (Керна), Владимира Лосского и многих других. В это же время появляется плеяда блестящих представителей религиозной философии: Николая Бердяева, Семена Франка, Льва Лопатина, Ивана Ильина» [Раменских, 2010, 502–506].

К сожалению, эти достижения были надолго забыты после 1917 г. Образовательная политика советской России была направлена на искоренение религиозного сознания в мировоззрении как взрослого, так и детского населения. В соответствии с циркуляром Наркомпроса от 3 марта 1919 г., «лицам, принадлежащим к духовенству всех его родов, всех вероисповеданий» было запрещено «занимать какие-либо должности во всех школах. Виновные в нарушении сего воспрещения подлежали суду Ревтрибунала» (Циркуляр, 1919). Понятно, что в таких идеологических условиях идея преподавания теологии в советских высших учебных заведениях не рассматривалась вовсе.

В годы советской власти система духовного образования в России была фактически разрушена, подготовка священников не осуществлялась, так как новая власть не видела в этом социальной необходимости. Повсеместное богоборчество привело к ликвидации, полному прекращению финансирования и национализации зданий и земель не только духовных училищ, семинарий, академий, но и к прекращению духовного просветительства. Прот. В. Цыпин пишет, что «какие-то опыты продолжения духовного образования в частном порядке предпринимались, но они не состоялись» [Цыпин, 2008].

Возможность возрождения духовного образования появилась в 1943 г. На такой шаг руководство Советского Союза решилось ради позитивизации внешнеполитического имиджа СССР как страны, где соблюдаются общепринятые нормы свободы совести. После встречи с И. В. Сталиным в октябре 1943 г. Священный Синод принял решение о создании Высшего богословского института в Москве и богословско-пастырских курсов по епархиям (ЖМП, 1943, 12).

Но уже в 50-е годы XX в. отмечается новая волна гонений на Церковь, приостановившая возрождение системы духовного образования еще на много лет. О. П. Федирко констатирует, что к 1990 г. в Российской Федерации функционировало 13 духовных учебных заведений и курсов, в том числе учрежденные в 1988–1990 гг. Тобольская духовная семинария, Смоленское и Ставропольское межъепархиальные училища, заочные библейские курсы Совета церкви адвентистов седьмого дня (АСД) и Совета объединения ЕХБ, учебные курсы при Духовном управлении мусульман Европейской части СССР и Сибири» [Федирко, 2018, 119–124].

Таким образом, проведенный исторический анализ показал, что фактическое уничтожение традиций богословского образования, накопленных в дореволюционное время, в советский период, богоборчество и насаждение атеизма, политические и идеологические препоны деятельности Русской Православной Церкви в Советском Союзе привели к тому, что восстановление богословского образования в 90-е годы XX в. поистине можно назвать «возрождением», то есть рождением заново. И введение в реестр специальностей и направлений подготовки теологического образования в 1990-е гг. имело не столько миссионерские, сколько социально значимые цели.

Что же стало основанием для возрождения православной культуры, духовного теологического образования, а затем и появления теологического образования светского? Ответ лежит в плоскости социально-культурного анализа исследуемого периода. В 1990-е гг. в Российской Федерации произошла глубокая трансформация социально-экономических, политических и духовных отношений, существенно изменившая пути развития российского общества в целом и повлиявшая на изменение социально-демографического портрета россиян, причем не только на их экономический статус и социальную стратификацию, но и на социальные притязания, гражданские позиции и мировоззренческие характеристики.

Социальные, экономические и политические преобразования 1990-х весьма существенно повлияли и на духовные и культурные процессы, происходившие в стремительно меняющемся обществе. Речь идет прежде всего о многочисленных социокультурных деформациях, сопряженных с реальной практикой реформ: аномия, потеря идеологических ориентиров, утрата чувства патриотизма, мировоззренческий кризис, постоянный бытовой стресс. Всё это привело к существенному снижению культурно-нравственного потенциала общества: идеалы «строителя коммунизма»

не работали в новых условиях и не могли привести человека, их придерживающегося, к социальному успеху, аксиологические регуляторы демократического общества и правового государства еще не были сформированы. Происходившие на фоне этого ценностного надлома трансформация и определение приоритетности ориентиров и установок поддерживались тем, что материальные ценности рассматривались как внутренний стержень цивилизации. Именно решение дилеммы: выбрать либо ориентир на всё возрастающее материальное потребление, либо путь, основанный на приоритете духовных ценностей, встал как перед обществом в целом, так и перед каждым человеком в частности.

В ситуации духовного кризиса в России стали формироваться и широко распространяться различного рода деструктивные внеконфессиональные культы (секты). Согласимся с Т. Д. Рачинской в том, что «социально-деструктивные движения теоретически наиболее удачно вписывались в попытку адаптации к кризисной ситуации того времени. Наличие таких движений соответствовало желанию противостоять подобному развитию общества, а при более глубоком анализе прослеживается их негативное отношение к традиционной культуре» [Рачинская, 2014, 218–222].

Таким образом, в социальной, экономической, политической и культурной жизни России в начале 1990-х гг. возникает ряд серьезных вызовов не только государственности, но и духовному единству общества. Ответом на обозначенные вызовы стал новый подход к регламентации государственно-церковных отношений и соответствующих им преобразований.

Формирование нового взгляда на религию в постсоветском обществе принято связывать с политикой «перестройки и гласности», объявленной М. С. Горбачевым в 1985 г. Но процесс становления государственно-церковных отношений не был быстрым. По факту, существенные подвижки начались с принятия в конце 1990 г. Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» (О свободе, 1995). Данный закон снял ограничения на деятельность религиозных организаций, упростил процедуру регистрации религиозных общин, отменил запреты на хозяйственную и иную некультурную деятельность религиозных организаций, признавал за ними права юридического лица и права собственности. На основе норм данного закона был ликвидирован Совет по делам религий при Совете Министров СССР.

Именно после принятия данного закона начинается непростой и небыстрый путь возрождения религиозной жизни и институализации деятельности конфессий: Церкви передаются в собственность культовые здания, многие из которых находятся весьма в плачевном, полуразрушенном состоянии, возрождаются монастыри, вновь возникают религиозные культурные центры, в печати появляется церковная периодика, открываются воскресные школы и духовные учебные заведения. В учебном пособии А. В. Миронова и Ю. А. Бабинова приводятся следующие цифры: «На начало 1994 г. в России действовало около 11 тыс. религиозных организаций, получивших право юридического лица, еще около 5 тыс. организаций действовало без регистрации своих гражданских уставов» [Миронов, Бабинов, 1998, 27]. Однако принятие закона и последующее изменение соответствующей статьи Конституции Российской Федерации лишь создали возможность для «перезапуска» системы, но не привели к созданию осознанной и устойчивой церковной политики государства.

Новый этап государственно-церковных отношений связан с принятием Конституции Российской Федерации, в которой впервые зафиксирован светский характер Российского государства, при этом в 28-й статье каждому гражданину РФ гарантируется свобода вероисповедания, а глава 5 Конституции 1993 г. регламентирует правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации (Конституция, 1993). После принятия Конституции 1993 г. взаимоотношения государства и Церкви получили правовой и нормативный статус, что позволило создать новые форматы взаимодействия и государственного контроля за деятельностью религиозных институций. Как отмечает М. О. Шахов, «в этих условиях обязанности установления и поддержания связей с религиозными организациями, оказания им

правовой и иной помощи, а также функции экспертно-консультативные для местных администраций по проблемам государственно-церковных отношений возлагались на образуемые сектора, отделы, комитеты по связям с религиозными организациями» [Шахов, 2011, 44].

В 1994 г. при Правительстве Российской Федерации была образована Комиссия по вопросам религиозных объединений, она включила в себя не только представителей Правительства РФ, министерств и ведомств, но и независимых экспертов, в том числе представителей научного сообщества. Одной из ключевых целей данной комиссии было «рассмотрение вопросов в сфере взаимоотношений государства и религиозных организаций, в том числе и вопросов передачи имущества, подготовка предложений по урегулированию вопросов, связанных с деятельностью религиозных организаций, находящихся в ведении Правительства России; формирование публичных сообщений по событиям взаимоотношений государства и религиозных организаций, выработка рекомендаций и проектов решений Правительства по обозначенным вопросам, координационно-методические функции в отношении федеральных органов исполнительной власти по вопросам своей компетенции» и т. д. (Постановление РФ, 1994).

В решение проблем взаимодействия государства и официальных конфессий были включены также Администрация Президента, Совет Федерации и Государственная дума Федерального собрания, в них создавались специальные группы и проводилась экспертиза предложений, касающихся государственно-церковных отношений.

В 1997 г. был принят Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (125-ФЗ, 1997), который признал особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры. Особое значение на этом этапе имело письмо патриарха Алексия II президенту Б. Н. Ельцину, в котором отмечалась широкая поддержка законодательной инициативы Государственной думы: «Текст закона, являющийся плодом долгих усилий его разработчиков, действовавших в контакте с российскими религиозными организациями, стал выражением высшей точки компромисса разнодействующих интересов, реально существующих в обществе. Дифференциация религиозных объединений по времени их создания, численности и распространению, вводимая новым законом, является весьма справедливым шагом» (Алексий II: *Заявление*, 1997).

По мнению митр. Илариона (Алфеева), закон, принятый в 1997 г., во многом стал результатом компромисса между государством и Церковью, но имел ряд слабых мест: не был прописан механизм участия Церкви в сфере религиозного образования, социального служения и др., кроме того, была исключена статья, согласно которой священнослужители имели право на отсрочку от призыва в армию [Иларион Алфеев: *История*, 2010]. Таким образом, следует согласиться с утверждением М. О. Шахова, что «в 90-е годы XX века при появившемся нормативном регулировании не было научно обоснованной модели вероисповедной политики» [Шахов, 2013, 49].

После принятия ФЗ № 3266-1 от 10.07.1992 были введены новые образовательные стандарты. Новые стандарты предполагают многоуровневую структуру высшего образования, а постановление Министерства науки — включение теологии в перечень подготовки уровня бакалавриат (Пост Миннауки, 1992). Уже в 1993 г. «Теология» как отдельное направление была внесена в государственный классификатор образовательных направлений и специальностей. В этом же году разработан и первый ФГОС подготовки бакалавров-теологов. Важно отметить, что образовательный стандарт имеет внеконфессиональный характер. Характеристика данного направления определена в следующем стандарте: «деятельность бакалавра направлена на анализ религии как одной из сфер жизни общества, изучение истории ее развития, различных направлений и конфессий религии, теологического обоснования религии, особенностей проявления религии в современном мире, но в перечень компетенций бакалавра по направлению 520200 помимо педагогической и научно-исследовательской деятельности были включены компетенции в области катехизаторской деятельности» (ГОС, 1993).

С 1992 по 2000 г. подготовку по направлению «Теология» вели несколько российских вузов. Начало было положено в Омском государственном университете: в 1994 г. там открылось отделение теологии. Далее подобная структура появилась в Алтайском государственном университете, затем в государственных университетах Твери и Владивостока. В духовных образовательных учреждениях также началось преподавание теологии, здесь начало было положено Свято-Тихоновским богословским институтом (ныне Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет), в данном случае это была попытка создания теологии миссионерского типа.

Рабочей моделью, на основе которой велось преподавание теологии в Свято-Тихоновском институте, стала интеграция теологии и православного богословия в целях подготовки выпускников к катехизаторско-миссионерскому служению. Также в качестве цели заявлялась возможность выпускника конфессионального вуза работать в светской образовательной сфере, и здесь междисциплинарный и надконфессиональный статус теологии подходил как нельзя лучше. Данная концепция была принята и многими теологическими кафедрами светских университетов.

Таким образом, с одной стороны, в 90-е годы XX в. теологическое образование в России стало реальным фактом отечественного высшего образования, с другой стороны, в научном сообществе до сих пор ведутся дискуссии о месте академической и церковной теологии в определении его нормативов и принципов. К сожалению, светскость Российского государства до сих пор понимается рядом научных работников и управленцев системы высшего образования как обязательность атеистического контента в обучении. Данная ситуация требует исследования государственно-церковного взаимодействия в сфере регламентирования и регулирования содержания и методики теологического образования, его кадрового обеспечения и социальных условий.

Анализ публичного дискурса конца 90-х годов XX в. показывает, как много усилий прикладывалось в то время деятелями науки и духовенством для изменения самой сути понятия «светскость». Так, в письме от 21 января 1999 г. на имя министра образования РФ В. М. Филиппова, подписанном Святейшим Патриархом Алексием II, президентом РАН академиком Ю. С. Осиповым, президентом РАО академиком Н. Д. Никандровым и ректором МГУ, председателем Российского Союза ректоров академиком В. А. Садовничим, говорилось: «Само по себе декларирование „светского“ характера образования, также как и декрет об отделении школы от Церкви, по существу, означает лишь то, что государственная школа не находится ни в административной, ни в финансовой зависимости от какой-либо церковной организации и не ставит своей задачей подготовку клириков. „Светский“ не означает „атеистический“, ведь основная масса христиан живет „светской“ жизнью, является тружениками со светскими специальностями, а конфессиональные, например православные, гимназии, дают государственные аттестаты зрелости, готовят вполне светских выпускников. Ничем не оправданное расширительное толкование ленинского декрета, а также термина „светский характер“ представляет закон как запрет на христианское знание. Отказываясь от сокровищ христианского наследия, мы сами загоняем свой народ в атеистическое гетто. Атеизм, даже не воинствующе агрессивный, не есть какое-то объективно-надрелигиозное прогрессивное знание. Он — всего лишь одно из мировоззрений, выражающее взгляды отнюдь не большинства населения земного шара, притом не имеющее какого-либо научного обоснования. В стране с тысячелетней православной культурой, где даже в конце XX века, ознаменовавшегося жесточайшими гонениями на веру, больше половины населения заявляет себя верующими, нет разумных оснований для того, чтобы по-прежнему предоставлять атеизму господствующее положение в образовании и воспитании. А если учесть, что атеизм, отрицающий онтологическое существование добра и зла, не способен логически непротиворечиво обосновать необходимость и обязательность морали, то тем более не должен он иметь господства в нашей гибнущей от безнравственности стране» (Алексий II: *Письмо*, 2000).

В своих исследованиях мы стоим на позиции, высказанной прот. Владимиром Воробьевым, о том, что «теологическое образование должно быть связано с Церковью.

Преподавать теологию без Церкви — это абсурдно точно так же, как преподавать музыку без музыкантов» [Воробьев, 2010]. При этом методологически придерживаемся позиции Д. В. Шмониной, что теология представляет историческое и логическое начало научного знания, его смыслообразующее ядро, находящееся и внутри, и вне границ науки [Шмонин, 2019, 281].

Также для нашего исследования особое значение имеют научные выводы Д. В. Шмониной о том, что отсутствие опыта интеграции теологического образования в светские университеты является одной из ключевых проблем его современного состояния [Шмонин, 2016, 183–195]. Отсутствующая в России историческая практика изучения теологии в школьном и университетском образовании приводит к не утихающим по сей день дискуссиям о соотношении светского характера государственного университета и конфессионального характера теологии. Согласимся с Дмитрием Викторовичем и в том, что одной из ключевых проблем теологии образования сегодня является проблема терминологии. В выступлениях государственных деятелей, научно-популярной литературе и даже научных публикациях присутствует смешение терминов «религиозное образование», «богословское образование», «церковное образование», «религиоведческое образование». И эти разночтения «имеют серьезное мировоззренческое, ценностно-смысловое значение, связаны с практикой преподавания и эффективностью работы и, в силу этого, требуют терпеливых разъяснений» [Шмонин, 2015].

Светское религиозное образование является для России новым явлением, поскольку в нашей духовно-культурной традиции богословие тесно связано с религиозностью, как в плане духовном, так и институционально. На наш взгляд, теология имеет много общего с духовным богословским образованием не только по составляющему ее содержанию, но и по ряду форм преподавания; вместе с тем ее задачи и функции существенно иные. Главным и принципиальным отличием является то, что теологическое образование направлено не на подготовку священнослужителей, его цели и задачи именно светские: кадрово обеспечить просветительские проекты духовно-нравственного содержания, научно и методологически обосновать новые векторы исследований в области конфессиональных, межконфессиональных и государственно-конфессиональных отношений.

Нам представляется весьма аргументированной позиция А. А. Лагунова, который констатирует, что «в российском образовательном пространстве идет процесс диффузии, далеко не всегда полезного смешения духовного и светского образования» [Лагунов, 2019, 35–40]. Действительно, практика распространения принципов организации светского образования в духовных учебных заведениях путем открытия теологических направлений сегодня идет на спад. В современном образовательном пространстве высшей школы мы наблюдаем, по сути, обратный процесс: распространение принципов пастырского обучения в преподавании теологии в светских университетах. И это ответ на спрос, порожденный вызовами времени. Вместе с тем мы в своих исследованиях придерживаемся позиции, что теологическое светское образование не тождественно духовному. Они отличаются целями, задачами, условиями образовательной среды, в которой происходит обучение, но могут использовать схожие формы, методы, образовательные технологии, опираться на единое содержание, изучая его в разных контекстах. Принципиальным представляется и наличие институциональных границ: внутренние проблемы церковной жизни должна решать Церковь, а для этого ей нужен инструмент самоосмысления, в том числе научной рефлексии, и в этом направлении потенциал теологического образования весьма существен. Находясь на стыке теологии и педагогики, теологическое образование нуждается в междисциплинарных исследованиях, направленных на соединение религиозной духовности с высоким академическим и научным статусом теологии и профессионально-педагогическим подходом к ее преподаванию. Исследование путей вхождения теологии в общее академическое пространство позволит вывести русскую богословскую школу на принципиально новый уровень благодаря непосредственному взаимодействию и синтезу со светскими классическими науками.

Источники и литература

Источники

1. 125-ФЗ (1997) — Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ.
2. Алексей II: *Заявление* (1997) — *Алексий II, патр. Московский и всея Руси*. Заявление в связи с ситуацией, сложившейся вокруг нового закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». 24 июля 1997 года // Газета «Завтра». URL: <http://zavtra.ru/blogs/1997-08-05721a12> (дата обращения: 20.07.2021).
3. Алексей II: *Письмо* (2000) — Письмо министру образования РФ В. М. Филиппову, подписанное Святейшим патриархом Алексием II, президентом РАН академиком Ю. С. Осиповым, президентом РАО академиком Н. Д. Никандровым и ректором МГУ, председателем Российского Союза ректоров академиком В. А. Садовничим. URL: <https://razumru.ru/atheism/rpc/letter.htm> (дата обращения: 20.07.2021).
4. ГОС (1993) — Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению 520200 Теология, утвержден 30 декабря 1993 г.
5. ЖМП (1943) — Журнал Московской Патриархии. 1943. № 3. С. 12.
6. Конституция (1993) — Конституция РФ 1993 года. Первоначальная редакция (действие с 25.12.1993 по 13.01.1996).
7. Ломоносов (1957) — Письмо М. В. Ломоносова И. И. Шувалову об учреждении Московского университета (19 мая — 19 июля 1754) // *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1957. Т. 10.
8. О свободе (1995) — Закон РСФСР от 25.10.1990 N 267-1 (ред. от 27.01.1995) «О свободе вероисповеданий».
9. Пост Миннауки (1992) — Постановление Миннауки РФ от 13.03.1992 № 13 «О введении многоуровневой структуры высшего образования в Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=401487#04912913031673749> (дата обращения: 20.07.2021).
10. Постановление РФ (1994) — Постановление Правительства РФ от 9 июля 1994 г. № 820 «Об утверждении Положения о Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации и ее персонального состава».
11. Устав (1804) — Устав Императорского Московского Университета 5 ноября 1804 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/Science/HisUni/Ustavi/shem04.htm> (дата обращения: 20.07.2021).
12. Циркуляр (1919) — Циркуляр Наркомпроса РСФСР о недопущении духовенства к занятию должностей в школе. 3 марта 1919 г. // Опубликовано: Известия. 1919. 15 марта.

Литература

13. Беляев (1897) — *Беляев А. А.* К истории Московской Славяно-Греко-Латинской Академии и Спасо-Вифанской семинарии // Богословский вестник. 1897. Т. 1. (2) С. 306–319.
14. Воробьев (2010) — *Воробьев В., прот.* Теология — древнейшая наука, с нее начинались все европейские университеты // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1133908.html> (дата обращения: 20.07.2021).
15. Душин (2013) — *Душин О. Э.* Средневековые университеты: у истоков европейского высшего образования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Философия и конфликтология. 2013. № (2). С. 26–31.
16. Иларион Алфеев: *История* (2010) — *Иларион (Алфеев), митр.* Краткая история церковно-государственных отношений за 20 лет. Доклад на II православно-католическом форуме, который проводится 18–22 октября 2010 года на острове Родос по инициативе Святейшего Патриарха Константинопольского Варфоломея URL: <http://yarcenter.ru/articles/religion/andsociety/kratkaya-istoriya-tserkovno-gosudarstvennykh-otnosheniy-za-20-let-35032/> (дата обращения: 20.07.2021).

17. Иларион Алфеев: *Теология* (2016) — *Иларион (Алфеев), митр.* Теология в современном российском академическом пространстве // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2016. Т. 34. № 3. С. 224–239.
18. Лагунов (2019) — *Лагунов А. А.* Университетская теология и православное богословие: тождество или синергия? (К вопросу о распределении богословских, философских и профильных дисциплин в новом теологическом стандарте) // Теология и образование. 2019. № 2. С. 35–40.
19. Миронов, Бабинов (1998) — *Миронов А. В., Бабинов Ю. А.* Основы религиоведения: Рабочая книга преподавателя и студента. М.: НОУ, 1998. С. 207.
20. Полевой (2017) — *Полевой Б. Ю.* Теология и религиозное образование // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. № 18(2). С. 94–101.
21. Прудников (2016) — *Прудников А. С.* Основные труды митрополита Макария (Булгакова) // Евангелие в контексте современной культуры. Белгород, 2016. Ч. 1. С. 272.
22. Раменских (2010) — *Раменских Е. А.* Особенности преподавания теологии в классическом университете // Известия Тульского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 502–506.
23. Рачинская (2014) — *Рачинская Т. Д.* Неоязычество в глобализирующемся мире (аспекты исторического и функционального анализа) // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1(2). С. 218–222.
24. Теология в вузах — Теология в вузах: несбыточная мечта или реальность? URL: www.eparhia.ru/simbirsk_news/?id=133160 (дата обращения: 20.07.2021).
25. Федирко (2018) — *Федирко О. П.* Религиозное образование на Дальнем Востоке России в 1980-х-начале 2000-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 1. С. 119–124.
26. Философия (2005) — *Философия западноевропейского средневековья* / Отв. ред. Д. В. Шмонин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
27. Цыпин (2008) — *Цыпин В., прот.* Духовное образование в XIX–XX вв. URL: <http://www.mrda.ru/ru/biblio/article> (дата обращения: 20.07.2021).
28. Шахов (2011) — *Шахов М. О.* Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. Изд-во Сретенского монастыря, 2011.
29. Шмонин (2015) — *Шмонин Д. В.* Философия, теология и ценностно-смысловая сфера в образовании // Вестник РХГА. 2015. Т. 16. № 4. С. 206–221.
30. Шмонин (2016) — *Шмонин Д. В.* Античные и иудейские религиозно-педагогические компоненты в истории формирования христианской образовательной парадигмы // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2016. № 10(1). С. 183–195.
31. Шмонин (2019) — *Шмонин Д. В.* Научная рациональность и «возвращение к теологии» // Вопросы теологии. 2019. Т. 1. № 3. С. 280–306.
32. Шмонин (2021) — *Шмонин Д. В.* Тайна ответа: введение в рациональную теологию. СПб.: Изд-во СПбПДА, Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021.
33. Щетинина (1987) — *Щетинина Г. И.* Студенчество и революционное движение в России, последняя четверть XIX в. М.: Наука, 1987.
34. Troostwijk (2008) — *Buigzame gelovigen. Essays over religieuze flexibiliteit* / Ed. by van Troostwijk C. D., van den Berg E., Oosterveen, L. Amsterdam, 2008.